

И ОПЯТЬ – ЧАСТИ РЕЧИ В БАМАНА¹

Валентин ВЫДРИН

0. Проблема частей речи (ЧР) в языках манден, и в частности в бамана, обсуждается в специальной литературе с начала XX века, однако до сложения какого-то общепризнанного подхода ещё очень далеко: вопрос о критериях выделения и номенклатуре частей речи поднимается чуть ли не в каждой новой монографии по этим языкам.

При всём многообразии выдвигавшихся ранее моделей, мне они представляются неудовлетворительными, недостаточными или недостаточно эксплицитными, что вынуждает меня снова обратиться к этому вопросу.

1. Прежде всего, обратимся к выработанному к настоящему моменту **понимаю ЧР в общей лингвистике**. Среди многочисленной литературы на эту тему особо выделяется коллективная монография “Части речи”, вышедшая в 1990 году под редакцией В.М. Алпатов. Я ограничусь здесь кратким обзором основных её положений.

1.1. Если речь идёт о научной классификации, то классы должны выделяться на основании единого критерия, а если критериев несколько, то они должны быть иерархизированы. Каждая единица должна принадлежать только к одному классу, при этом все единицы должны найти своё место в классификации.

Единицы, составляющие части речи – лексемы. Различные формы одной лексики не могут принадлежать к двум или более различным ЧР. Границы лексики определяются на основе критерия регулярности и обязательности [Алпатов 1990, 30-31]. Именно несоответствие критерию регулярности не позволяет нам считать одной лексемой английский глагол и существительное, основы которых совпадают (например, *mob* ‘толпа’ и *mob* ‘сбиваться в толпу; нападать толпой’): а) семантическое соответствие между глаголом и существительным непредсказуемо; б) возможность или невозможность образования глагола от существительного (или наоборот) непредсказуема. Напротив, адекватное употреб-

¹ Эта статья воспроизводит, с некоторыми модификациями, мою публикацию 2000 года в бюллетене Mandenkan (Paris).

ление существительного в этом языке регулярно и предсказуемо (*computer* → *computer problem*), и потому оба эти употребления представляют одну лексему.

1.2. Критерии разграничения ЧР могут быть трёх типов: синтаксические, морфологические и семантические.

1.2.1. **“Семантические части речи”** – это скорее “глубинные ЧР”; их связь с формальными классами слов можно сравнить с отношением семантических ролей к падежным аффиксам. Наиболее фундаментальная семантическая оппозиция – между Термом и Предикатом, которые являются прототипами существительного и глагола, двух наиболее универсальных ЧР. Не-прототипические реализации Терма и Предиката, как и существование других ЧР, менее универсальны и зависят от конкретно-языковой специфики [Бергельсон 1990, 197-198 ; Алпатов 1990, 36-37].

1.2.2. В соответствии с **синтаксическим критерием**, слова распределяются по ЧР в соответствии со своими синтаксическими функциями, т.е. способностью занимать те или иные синтаксические позиции. Теоретически возможны два крайних случая: а) язык, в котором каждую синтаксическую позицию занимают лексемы, принадлежащие к особой ЧР (в реальности, таких языков нет); б) язык, в котором каждая лексема может употребляться в любой синтаксической позиции. Это означает, что в таком языке существует всего одна ЧР (иначе говоря, ЧР в этом языке отсутствуют). Так иногда представляют ситуацию в древнекитайском языке. В реальности же все (или почти все) языки занимают позицию где-то в промежутке между двумя крайностями.

1.2.3. **Морфологический критерий** может пониматься в узком смысле (традиционный европейский подход: ЧР различаются словоизменительными парадигмами и морфологическими деривационными типами) или в широком смысле (кроме морфологических парадигм, принимается во внимание и сочетаемость с грамматическими элементами, в том числе со служебными словами). “Широкий” морфологический подход позволяет создавать гораздо более детальные классификации и весьма эффективен при интерпретации данных не-индоевропейских языков [Алпатов 1990, 40-42].

1.3. Таким образом, **“синтаксические ЧР”** и **“морфологические ЧР”** являются классами разной природой и могут не совпадать. Одной морфологической ЧР могут соответствовать две и более синтаксические ЧР (например, неизменяемые лексемы, различающиеся по синтаксическим функциям), и наоборот. В то же

время корреляция между синтаксическими и морфологическими ЧР характерна для многих языков, что указывает на близость обеих систем: синтаксические ЧР имеют тенденцию морфологизироваться.

2. История проблемы. В языках манден, с их крайне бедной морфологией и фактическим отсутствием словоизменительных парадигм, компенсируемым жёстким порядком слов, неприменимость “традиционного европейского” подхода стала очевидной очень рано. Лингвисты уже давно обратили внимание на то, что корнесловы в языках манден могут употребляться в функции различных ЧР (по крайней мере, такой вывод можно сделать на основании анализа переводов текстов на европейские языки) без изменения морфологической формы. Уже в работах Мориса Деляфоса говорилось о “фундаментальном неразличении имени и глагола”. Рассмотрим, не претендуя на полноту², подходы предшественников, группируя их по нескольким типам.

2.1. **“Вербономинальный” (“полинезийский”³)** подход был разработан Морисом Уисом и стал чуть ли не “стандартом” для многих исследований по языкам манден. В соответствии с этой концепцией (ср., в частности, [Houis 1981]), в бамана имеются существительные (*nom*s) и вербономиналы (*nomino-verbaux*). Последние могут употребляться и в именной, и в глагольной функциях без помощи деривации. Кроме того, есть глагольные предикативы, способные маркировать глагольную составляющую (*constituant verbal*); адекватные лексемы, которые выступают в функции предиката в сочетании с показателями *ká* или *mán* (последние Уис считает префиксами) и в функции определения в определительной синтагме (при этом они подразделяются на лексемы, присоединяющие суффикс *-tan* или не присоединяющие его).

2.2. **“Ультрасинтаксический”, или “древнекитайский”** подход Светланы Ивановны Томчиной [1978]⁴: поскольку одна

² В частности, в этом кратком обзоре не будут упомянуты старые и даже сравнительно новые работы, в которых применяются модели, заимствованные из европейских языков без какой-либо серьёзной попытки анализа особенностей языков манден.

³ Ср. описание системы ЧР в полинезийских языках в работе Беликова [1990] (здесь имеется в виду, в первую очередь, трактовка соотношения имени и глагола).

⁴ В упоминаемой монографии речь идёт о манинка, но совершенно аналогичным образом С.И. Томчина трактовала и материал бамана. Этот

и та же форма в манинка может употребляться в именной, глагольной и адъективной позиции, а также (иногда) и в функции послелога и/или предикативного показателя, оно не может быть определено ни как имя, ни как глагол, и т.д. Свои частеречные функции слово получает в синтаксическом контексте. Таким образом, категория ЧР в манинка принадлежит к сфере не языка, а речи⁵.

2.3. В концепции **Жерара Дюместра** [1987], первая разделительная линия (с. 116) должна быть проведена между показателями конструкций и конституйантами (деление, примерно соответствующее делению на служебные и знаменательные ЧР). Далее, конституйанты делятся на имена и “класс W”, в обоснование чему приводятся (с. 136-137) синтаксические критерии (“горизонтальная ось”) и “широкие морфологические” критерии (“вертикальная ось”). На следующем уровне анализа он подразделяет “класс W” на глаголы и прилагательные (последние соответствуют моим качественным глаголам).

Трудности возникают, когда дело доходит до распределения лексем по выделенным классам: за исключением двух групп, которые включают в себя только именные и адъективные конституйанты, оказывается, что “все элементы, которые дают глагольные конституйанты, могут параллельно давать ... и именные конституйанты”. Имеются также и лексемы, которые дают одновременно адъективные и именные конституйанты, и т.д.

Дюместр видит два возможных решения этой трудности: 1) “можно говорить об именных, вербономинальных, адъективных, адъективнономинальных, адъективно-вербономинальных и т.д. лексемах” – но такому решению он предпочитает другое: 2) “каждая лексема входит в один класс, который является для неё основным, и подключается (*se rattache*) вторично к другой категории (другим категориям), причём такая вторичность употребления обосновывает ограничения, которые налагаются на её употребление” (с. 140).

же подход принят и в моём описании языка лоома [Выдрин 1987]. При изложении концепции каждого из авторов в примерах сохраняется орфография источника.

⁵ Такая “экстремистская” позиция объясняется, в частности, тем, что С.И. Томчина работала в “до-тональную” эпоху, что приводило к нередкому неразличению квази-омонимов (в реальности имеющих разные тоны) и их интерпретацию как различных значений одного слова.

Таким образом, Дюестр старается избежать нарушения принципа, упомянутого в разделе 1.1. (“лексема не может принадлежать двум ЧР одновременно”), но его решение проблемы – паллиатив. Он не объясняет природы “вторичного подключения лексем к другой категории”, но из контекста можно понять: употребляясь в своей “вторичной” функции, конститuant сохраняет свой “основной” статус. Но это создаёт логическое противоречие. Если глагольная и адъективная лексема, в своей вторичной функции (“подключённая” к классу имён) всегда остаётся соответственно глаголом или “прилагательным”, это нарушает выдвинутые самим Дюестром синтаксические критерии (с. 136-138) выделения классов конститuantов – в частности, о невозможности употребления в одном минимальном высказывании глагола и “прилагательного”:

à sé-ra dún` mà
 он достиг-ПРФ глубина-АРТ до, ‘Он достиг глубины’
 (dún – в терминологии Дюестра “базовое прилагательное”, с исходным значением ‘быть глубоким’).

Такое противоречие заводит нас в логический тупик. В практическом же плане это приводит к очень неэкономному описанию типов синтагм (четыре типа “квалитативной компактной синтагмы с морфологически простыми компонентами и прогрессивной иерархией формантов”; три типа “детерминативных компактных бессвязочных синтагм с регрессивной иерархией”...).

Причастия (“формы, образованные от чисто глагольных основ присоединением суффиксов -len, -tə и -ta”) Дюестр причисляет к классу “именных конститuant” (несмотря на возможность их предикативного употребления в зависимой предикации, о которой он же говорит на с. 226). Что до таких лексем, как bèlebéle ‘большой’, sèbé ‘серьёзный’, psínin ‘маленький’ (т.е., в терминологии Д. Кресельса, “прилагательных”), то они отнесены к числу “зависимых имён”.

Помимо этого, Дюестр выделяет следующие ЧР: наречия (в том числе: описательные наречия, стоящие в препозиции к глаголу; наречия на kó-; экспрессивные наречия; другие, из которых он упоминает лишь túgun ‘снова’ и bán ‘ещё (не); наконец’), частицы (моновалентные и бивалентные), союзы и детерминативы, в том числе и числительные (к сожалению, последние лишь упоминаются).

2.4. Дени Кресельс излагает свои взгляды на эту проблему в статье 1983 года. Он придерживается чисто синтаксического под-

хода, и в рамках такового его интерпретация совершенно логична и последовательна. Во-первых, он включает “неглагольные предикативы” Уиса (мои “бытийные глаголы”) в число глаголов (“они выполняют глагольные функции, не разделяя их морфологических характеристик”, с. 23).

Далее, этот автор проводит знак равенства между лексемами, сочетающимися с показателями *ká* и *mán*, и глаголами типа *bòlí*. Таким образом, у него получается единый класс глаголов с тремя дистрибуционными подклассами, различающимися по отношению к двум типам спряжения. Лексемы первого подкласса (*bòlí* ‘бежать’, *tága* ‘идти’...) спрягаются только как динамические глаголы; лексемы второго подкласса (*jàn* ‘быть длинным’, *sùgun* ‘быть коротким’, *dógo* ‘быть младшим, быть малочисленным’...) спрягаются лишь как стативные глаголы, а для лексем третьего класса возможны оба типа спряжения (*à ká kògò* ‘он стар’ – стативный глагол, *à kògò-la* ‘он состарился’ – динамический глагол).

Вполне логично, в рамках своего синтаксического подхода, относит Кресельс дериваты на *-tan* (в моей терминологии, “прилагательные, производные от качественных глаголов”) к числу причастий: единственное отличие от других причастий (на *-len*, на *-tò...*) состоит, по Кресельсу, в том, что они образуются не от динамических, а от стативных глаголов.

Кресельс отказывается от термина “вербономинал”, ссылаясь на то, что “все лексемы этого класса не в равной степени способны к именному употреблению”⁶.

Наконец, Кресельс выделяет класс “прилагательных”, в который входят такие лексемы, как *bèlebéle* ‘большой’, *sèbé* ‘серьезный’, *psínín* ‘маленький’, которые “употребляются главным образом как определения, а в иных функциях – лишь очень ограниченно” [с. 29].

2.5. Важное место занимает статья **Миры Бергельсон** – и потому, что она целиком посвящена интересующей нас здесь проблеме, и потому, что она была написана без влияния французской традиции мандингских исследований. Если же говорить о влиянии

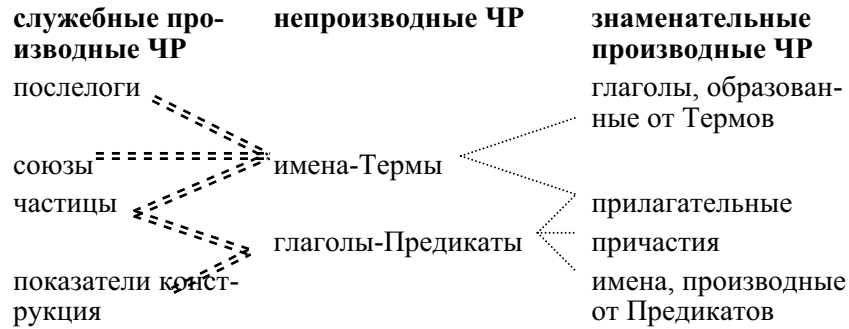
⁶ Не вполне ясно, что именно имеется здесь в виду. Во-первых, может подразумеваться различная способность к субстантивации у “стативных глаголов”; во-вторых, речь может идти о различных подклассах динамических глаголов, о которых писал, в частности, один из учеников Кресельса, Бонифас Кейта, в своей диссертации о манинка р-на Кита [Keita 1985], см. 3.3.4.1.

русских специалистов по языкам манден, то тут можно упомянуть восприятие от С.И. Томчиной идеи о неприменимости морфологических критериев для выделения ЧР в языках манден, и, с другой стороны, как реакция на “ультра-синтаксический” подход С.И. Томчиной, полный отказ от синтаксического критерия: “не парадигматическая принадлежность корнеслова определяется позицией в высказывании... (;) синтаксическая позиция ... является следствием принадлежности слова к парадигматическому классу” (с. 201). В то же время Бергельсон признаёт, что “опора на лексическую семантику слова приводит, в рамках традиционного подхода, к нежелательной подмене категорий ... лексическими классами слов, номенклатура и содержание которых определяется субъективно” (с. 197).

Выход предлагается в рамках “универсального” подхода: ЧР “являются отражением в языке... концептуального разграничения, которое человек проводит в отношении неязыковой реальности” (с. 197). Под “универсальностью” Бергельсон понимает оппозицию концептов двух типов: Термов, соотносимых с физическими объектами, и Предикатов, соотносимых с ситуациями. В любом языке каждая из этих семантических единиц имеет одну мотивированную прототипическую реализацию (существительные для Термов, глаголы для Предикатов), в то время как все остальные реализации являются вторичными, полученными лексико-семантической, морфологической или иной деривацией (с. 198). Таким образом, разница между такими языками, как бамана и русский, оказывается минимальной в отношении прототипических представителей категорий имени и глагола; она проявляется в не-прототипических категориях, в способах разграничения категорий, и т.д. (с. 199).

Итак, имена и глаголы рассматриваются как основные ЧР бамана. Возможность использования слов, восходящих к Предикатам, в именных позициях (Субъект, Прямой Объект, Сирконстант) интерпретируется как результат номинализации (т.е. конверсии), которая может быть формально выражена или не выражена. Все остальные ЧР рассматриваются как вторичные, образованные лексико-синтаксическими или, в более редких случаях, морфологическими способами. Помимо знаменательных ЧР, Бергельсон выделяет служебные. В результате получается следующая таблица:

Таблица 1



Примечание: двойная пунктирная линия указывает на то, что деривация скорее синхронная, чем диахроническая.

Служебные ЧР различаются по двум критериям: 1) являются ли они показателями синтаксических конструкций (“показатели конструкций” = глагольные предикативы Мориса Уиса; посессивный показатель *ka*; союзы *walasa*, *nka*, *barisa* и т.д.) или нет (послелогои, частицы); 2) занимают ли они синтаксическую позицию (“показатели конструкций”, послелогои) или нет (посессивный показатель *ka*, союзы, частицы).

Стативные глаголы входят в состав ЧР “глагол”; они восходят к Предикатам, но не реализуют своей прототипической характеристики “динамизм”.

Прилагательные подразделяются на “качественные”, образованные от стативных глаголов (при помощи показателя *-tap* или без него), и “относительные” (образованные от имён при помощи показателя *-ma* или без него: *nyuguji* = *nyugujima* ‘зелёный’, ср. *nyuguji* ‘соус из листьев’).

Причастия (к которым М. Бергельсон причисляет формы на *-len* и на *tə*, но не на *-ta* и *-bali*), могут употребляться в атрибутивном и предикативном контекстах.

Имена, производные от Предикатов, образуются:

а) от части стативных глаголов, с показателем *-ya* или без него. Что же касается имён на *-ya*, Бергельсон предлагает следующую деривативную историю: стативный глагол → динамический глагол с суффиксом *-ya* → имя, образованное от динамического глагола на *-ya* (таким образом, эта последняя деривация рассматривается как чисто синтаксическая). Таким же образом интерпретируются и случаи типа *fa* ‘отец’ → *fa-ya* ‘отцовство’: в качестве

промежуточного звена реконструируется глагол **fa-ya* ‘приобретать отцовские качества’, что позволяет Бергельсон приписать суффиксу *-ya* значение начинательности и рассматривать его как средство образования только динамических глаголов⁷.

б) от всех динамических глаголов, при помощи суффикса *-li* или без него. Исходя из предположения, что существительные могут образовываться от любого глагола и без суффикса, Бергельсон делает вывод, что *-li* не является показателем номинализации, поскольку он присоединяется к имени, уже образованному от Предиката, для того, чтобы подчеркнуть значение процессуальности.

Под образованием глаголов от Термов Бергельсон подразумевает “слитные сочетания имени, иногда образованного от Предиката, и глагола *kè*, частично утратившего своё значение” (*a bè dumini kè* ‘он ест’, букв. ‘он процесс-еды делает’).⁸

⁷ Это предположение не выдерживает критики. На самом деле, почти все существительные, обозначающие людей и животных (точнее, те из последних, которые имеют в бамана какие-либо культурные коннотации) образуют дериваты на *-ya*, при этом они не употребляются как глаголы (за некоторыми редкими исключениями, например *bàana* ‘богач’ → *bàana-ya* ‘богатство, процветание’, редк. ‘обогащать; обогащаться’). Поэтому логичнее предположить обратное: *-ya* образует имена состояния, и уже от таких имён образуются в некоторых случаях глаголы с инхоативной семантикой.

Отметим, что баманскому *-ya* в близкородственном языке дафин соответствуют два различных суффикса: *-ye* сочетается с основами стативных (квалитативных) глаголов, а *-yaa* – с именными основами, динамическими глаголами и производными прилагательными: *kwii* ‘быть белым’ → *kwiiye* ‘белить; белизна’, но *mása* ‘вождь’ → *másayaa* ‘вождество’; *pátan* ‘сирота (не имеющий отца)’ → *pátanyaa* ‘сиротство; лишаться отца’ [Traore 1983, 89-92, 125-126, 131-134]. Это позволяет предположить, что *-ya* в бамана является результатом конвергенции двух различных суффиксов, а ситуация в дафин отражает исходное состояние.

⁸ В данном контексте, ход рассуждений Миры Бергельсон мне не вполне понятен: в соответствии с логикой её подхода, такие имена как *dǝn* ‘танец’, *dúmuni* ‘процесс еды’, *kàlán/kàlanní* ‘чтение’ не должны рассматриваться как Термы, а только такие имена и возможны в подобной конструкции. Кроме того, предложение считать сочетания типа *dúmuni`ké* ‘ест’ “глаголом” не представляется удачным.

Отметим отсутствие упоминаний у М. Бергельсон наречий, местоимений и числительных, а также непроеизводных прилагательных (в смысле Кресельса).

3. Теперь рассмотрим те моменты, которые вызывают наибольшие разногласия, и попытаемся предложить решения исходя из теоретических принципов, изложенных в первом разделе.

3.1. Критерии. Несомненно, в языках манде главным критерием при выделении ЧР следует считать синтаксический, и его абсолютизация Уисом, Томчиной и Кресельсом неудивительна. В то же время, я не вижу никаких оснований отбрасывать и морфологический критерий (в “широком” понимании) в тех случаях, когда он позволяет обнаружить или подтвердить какие-то формальные различия. В тех случаях, когда они приводят к противоречивым результатам, морфологический критерий будет рассматриваться как иерархически низший по отношению к синтаксическому. Семантический же критерий будет приниматься во внимание в тех случаях, когда необходимо провести различие между первичной и вторичной функциями лексемы и класса лексем.

Особое внимание будет уделяться принципу регулярности (см. 1.1.), о котором часто забывают при анализе ЧР в языках манден.

3.2. Инвентарь знаменательных ЧР в бамана.

3.2.1. Синтаксический критерий был вполне удовлетворительно применён Дени Кресельсом, вслед за которым можно выделить следующие **синтаксические ЧР**: Существительное, Глагол, Прилагательное. К этому списку следует добавить наречие⁹, которое подразделяется на два синтаксических класса: Предглагольное Наречие (ПГН) и Постпозитивное Наречие (ППН). Эти классы можно считать различными ЧР; помимо синтаксической позиции, они различаются также тем, что ПГН не сочетается с Качественными Глаголами.

В то же время Жерар Дюместр [1997, 182-183] упоминает достаточно регулярную сочетаемость предглагольных наречий и с существительными, рассматривая такие случаи как особый тип синтагмы: kɔ̀lɔ̀kɔ̀lɔ̀ báara ‘мелкая работа’ (“немного-работа”; речь не идёт об адъективизации наречий, поскольку в таком случае они должны были бы находиться в постпозиции к существительному).

⁹ В своей статье 1983 года, посвящённой главным образом категориальному статусу глагола, Кресельс не касается наречия. Единственная работа, в которой наречие исследуется достаточно подробно, остаётся диссертация Дюместра [Dumestre 1987].

Возможны две интерпретации этого феномена: 1) как субстантивация наречий (букв. “работа малости”); 2) употребление ПГН в препозиции к существительному может считаться регулярным (автоматическим), и в таком случае обе эти функции, предглагольную и предименную, следует считать равноправными. В таком случае эту ЧР уместно назвать как-то иначе, например, “препозитивным определением”. Ср. предложение В. Алпатова рассматривать ЧР с подобными характеристиками как “Прилагательные”, при этом определения существительных определяются как “Приименные” [Алпатов 1990, 38-39]. Невозможность некоторых слов этого класса употребляться в позиции перед существительным (sèbèkórò ‘серьёзно’, pèmpemepín ‘потихоньку, медленно’, ср. [Dumestre 1987, 183]), по-видимому, препятствует второй интерпретации. Поэтому я буду употреблять термин “предглагольное наречие”, во всяком случае, пока дальнейшие более детальные исследования не вынудят меня изменить мнение.

3.2.2. Переходя на уровень **морфологических ЧР**, глагол подразделяется на три ЧР: Динамические Глаголы (сочетающиеся с показателями “динамической парадигмы”), Глаголы Качества (сочетающиеся с показателями *ká* и *mán*) и Бытийные Глаголы (не сочетающиеся с показателями конструкции; речь идёт о закрытом классе: *bé*, *yé*, *dǒn*, *té*, возможно также *kó*).

Рассмотрим некоторые другие проблемы, представляющие трудности для интерпретации.

3.3. “Вербономиналы” и им подобные.

3.3.1. Возможность глагольной лексемы в бамана функционировать в качестве имени находится в центре дискуссии о ЧР в этом языке. Следует, однако, вспомнить, что такая бивалентность не является каким-то исключительным случаем, на что лингвисты неоднократно обращали внимание В Таблице 2 сведены все известные мне типы не-морфологической деривации классов знаменательных лексем в бамана.¹⁰

3.3.2. Проиллюстрируем каждый тип неморфологической деривации.

3.3.2.1. Существительное → Динамический глагол: *dén* ‘ребёнок; плод’ → ‘плодоносить’. Такая деривация достаточно редка, однако существует и другая, при которой производный глагол пе-

¹⁰ Направление деривации определяется на основании семантического критерия и обозначается стрелкой. Таблица составлена без учёта признака регулярности (см. комментарии к таблице).

редаёт значение ‘дарить кому-л. данный объект’: *dátusunu* ‘автомобиль марки Дацун’ → ‘дарить автомобиль Дацун’ (ср. [Koné 1987-88 ; Dumestre 1987, 141]). Этот последний тип абсолютно регулярен и продуктивен, ограничения на него предсказуемы и семантически обусловлены (деривация невозможна для существительных, обозначающих такие предметы, которые не могут быть объектами передачи от одного человека к другому).

3.3.2.2. Существительное → Прилагательное: *sú* ‘труп’ → ‘никчемный’, *mùsò* ‘женщина, самка’ → ‘женского пола’ (ср. [Dumestre 1987, 179-180]). Такая деривация характерна лишь для небольшой группы существительных.

3.3.2.3. Существительное → Предглагольное наречие: *fòrobá* ‘общественное поле; общественная собственность’ → ‘вместе’. Деривация малопродуктивна.

3.3.2.4. Существительное → Постпозитивное наречие: *kélekele* ‘перец’ → ‘очень острый’ (экспрессивное наречие). Деривация малопродуктивна.

3.3.2.5. Динамический глагол → Существительное: *kàsì* ‘плакать’ → ‘плач’, и т.д.

3.3.2.6. Динамический глагол → Прилагательное: *kùgú* ‘сгибать, складывать’ → ‘короткий’, *dù* ‘скручивать’ → ‘скрученный; искривлённый’ (ср. [Dumestre 1997, 178]). Деривация малопродуктивна.

3.3.2.7. Динамический глагол → Предглагольное наречие: *bàlakabálaka* ‘делать стремительно’ → ‘стремительно’.

Таблица 2

	Существительное	Динамический глагол	Качеств. глагол	Прилагательное	Предглагольное наречие	Постпозитивное наречие
Существительное (S)	–	$S \rightarrow VD$		$S \rightarrow Adj$	$S \rightarrow APV$	$S \rightarrow APP$
Динамический глагол (VD)	$VD \rightarrow S$	–		$VD \rightarrow Adj$	$VD \rightarrow APV$	$VD \rightarrow APP$
Качественный глагол (VQ)	$VQ \rightarrow S$	$VQ \rightarrow VD$	–	$VQ \rightarrow Adj$		
Прилагательное (Adj)	$Adj \rightarrow S$			–	$Adj \rightarrow APV$	$Adj \rightarrow APP$
Предглагольное наречие (APV)	$APV \rightarrow S$				–	$APV \leftrightarrow APP$
Постпозитивное наречие (APP)		$APP \leftrightarrow VD$		$APP \leftrightarrow Adj$	$APV \leftrightarrow APP$	–

3.3.2.8. Динамический глагол → Постпозитивное наречие :
bán ‘заканчивать’ → ‘ещё (не)’. Единичный случай.

3.3.2.9. Качественный глагол → Существительное: júgu ‘быть злым’ → ‘враг’. Такая деривация отмечена для менее чем половины всех качественных глаголов.

3.3.2.10. Качественный глагол → Динамический глагол: gǎn ‘быть горячим’ → ‘нагревать; греться’. Менее половины всех качественных глаголов.

3.3.2.11. Качественный глагол → Прилагательное: jǎn ‘быть длинным’ → ‘длинный’. Примерно половина всех качественных глаголов.

3.3.2.12. Прилагательное → Существительное: bèlebéle ‘большой’ → ‘большой (человек)’, sèbé ‘серьёзный’ → ‘внимание, серьёзное отношение’. Практически все прилагательные могут быть субстантивированы путём опущения определяемого существительного.

3.3.2.13. Прилагательное → Предглагольное наречие : sèbé ‘серьёзный’ → ‘серьёзно’. Малопродуктивная деривация.

3.3.2.14. Прилагательное → Постпозитивное наречие : bége ‘достаточный’ → ‘достаточно’. По-видимому, непродуктивная деривация.

3.3.2.15. Предглагольное наречие → Существительное : nàganaga ‘беспричинно, просто так (побить, и т.п.)’ → ‘ничто’, например:

ù y' á` bùgɔ̀ nàganága` lá
они ПРФ он бить ничто-АРТ за'

‘Они его побили ни за что’.

Степень регулярности этой деривации пока не ясна. Ср. также 3.2.1.

3.3.2.16. Постпозитивное наречие ↔ Динамический глагол : mèkú ‘закрывать герметично’ ↔ ‘герметично’. Отмечено лишь несколько случаев.

3.3.2.17. Постпозитивное наречие ↔ Прилагательное : jóna ‘быстро’ ↔ ‘ранний (о растении)’, mùmé ‘полностью’ ↔ ‘целый’. Деривация нерегулярная, направление её неясно.

3.3.2.18. Постпозитивное наречие ↔ Предглагольное наречие: táabataaba ‘во все стороны’ ↔ tàabatáaba ‘тж.’ Единственный зарегистрированный случай. Отметим разные тоны (что может рассматриваться как автоматическое грамматическое средство: почти все предглагольные наречия имеют низкий тон, тогда как все постпозитивные экспрессивные наречия имеют высокий, точнее

сверхвысокий, тон), а также наличие глагола *táabataaba* ‘идти шатаясь, как пьяный’. В принципе, оба эти наречия могут рассматриваться и как конверсивы этого глагола.

3.3.3. Я совершенно согласен с Жераром Дюестром [1987, 141] в том, что было бы абсурдом считать, по аналогии с “вербономиналом”, каждую подобную деривативную пару особой частью речи (“адвербоадъективы”, “адъективосубстантивы”, и т.д.), тем более что одна основа может участвовать сразу в нескольких деривациях, например: *béɛ* прил. ‘достаточный’, ППН ‘достаточно; много’, сущ. ‘большое количество; большой размер’ (в отрицательных контекстах), качеств.гл. (диал. беледугу) ‘быть честным; быть хорошим’; *fɔ́lɔ* прил. ‘первый’, сущ. ‘давние времена’, ППН ‘некогда, раньше; ещё (не)’, гл. ‘начинать’...

В то же время, по причинам, изложенным выше (см. 2.3.), я не могу принять и интерпретацию, выдвигаемую Дюестром. Я хочу предложить очень простое решение, основывающееся на теоретических принципах, изложенных в начале статьи. Необходимо прежде всего рассортировать все типы неморфологической деривации по признаку регулярности (в том числе регулярности семантической, что подразумевает предсказуемость значения деривата). Все нерегулярные типы следует рассматривать как случаи конверсии; иначе говоря, в подобных случаях речь идёт об образовании новых лексем (“грамматических омонимов”). Так, в случае с *béɛ* мы имеем дело с 3 или 4 различными лексемами, связанными друг с другом отношениями конверсии.

При этом оказывается, что бесспорная регулярность обнаруживается не более чем в двух случаях: 1. Существительное → Динамический глагол, но только в значении “дарить объект, о котором идёт речь” (“тип *dátusunu*”), и, возможно, 10. Прилагательное → Существительное, модель *bèlebéle* ‘большой’ → ‘большой (человек)’ (но не *sèbé* ‘серьёзный’ → ‘внимание, серьёзное отношение’, где семантическое соотношение нерегулярно). Здесь можно говорить о транспозиции в пределах одной лексемы, подобной английскому *computer* сущ. → *computer* прил. *problem*. Эти классы слов можно было бы назвать соответственно “имяглаголами” и “прилагательно-существительными”, если бы это не противоречило обычной практике, сложившейся в общей лингвистике¹¹: в принципе, достаточно описания этих деривационных возможно-

¹¹ Так, никто не называет английские существительные “существительно-прилагательными”.

стей в тех разделах грамматики, где речь идёт о существительных и прилагательных соответственно.

Главный неразрешённый вопрос представляют собой “вербономиналы” Мориса Уиса. Иначе говоря, можно ли считать деривацию типа 5. “Динамический глагол → Существительное” регулярной? Рассмотрим эту проблему более подробно.

3.3.4.1. Единственное известное мне детальное исследование проблемы номинализации глаголов в каком-либо из языков манден – диссертация Бонифаса Кейта [Keita 1985]. Этот автор подразделяет все глаголы (“вербономиналы”) манинка Киты на три группы:

I. такие, от которых возможны только неморфологические дериваты (kíta ‘говорить’ → ‘речь’);

II. такие, от которых возможна деривация имён и морфологическим (при помощи суффикса *-li/-ni*), и неморфологическим способом;

III. такие, от которых возможна деривация только при помощи суффикса *-li/-ni*. Точнее, неморфологические именные дериваты от таких глаголов возможны, но их употребление ограничено второй позицией в детерминативной (дополнительной) синтагме.

Ситуация в бамана близка к вышеописанной, с той разницей, что суффикс *-li/-ni* в своём процессуальном значении получил значительно большее распространение: от глаголов, которые Бонифас Кейта относил к группе I, мои информанты-бамана легко образовывали формы с этим суффиксом (ср. аналогичный вывод Дюестра [Dumestre 1987, 223]). Для того, чтобы можно было сделать окончательный вывод, необходимо специальное детальное исследование; однако даже предварительный опрос информантов убедил меня, что знаменитая свобода употребления “вербономиналов” в именной функции – миф. На самом деле, менее половины всех глагольных основ бамана могут свободно функционировать в качестве существительных¹², остальные же требуют присоединения суффикса *-li/-ni*. Лишь в позиции второго члена детерминативной синтагмы их именование употребляется

¹² Чтение текстов на манинка-мори (манинка р-на Канкан, Гвинея) создаёт впечатление, что неморфологическая деривация Динамический глагол → Существительное в этом идиоме встречается значительно чаще, чем в бамана. Возможно, здесь употребление термина “вербономинал” более обосновано. Конечно, без тщательного исследования это останется лишь предположением.

относительно регулярным – но и в этом случае я не уверен, что уровень автоматизма этой деривации достаточен для утверждения идентичности лексемы.

3.3.4.2. Другим аргументом за или против идентичности “вербономинальной лексемы” может служить регулярность или нерегулярность семантического соответствия между именными и глагольными употреблениями. В большинстве случаев существительное, образованное от глагола без помощи суффикса, имеет значение имени действия, а дериват с суффиксом – имя процесса. Но имеются случаи (не такие уж редкие) когда семантика отклоняется от этой модели, например: *règèp* глагол ‘рисовать; красить; вышивать’ → сущ. ‘рисунок; вышивка’ (имя результата действия), ср. *règènní* (регулярное имя процесса).

3.3.4.3. Наконец, существует один морфологический признак, который отличает отглагольные имена от глаголов – пусть даже этот признак и проявляется лишь на сравнительно небольшой подгруппе лексем. Известно, что префикс (или препозитивный компонент именного происхождения) и корень сохраняют, в пределах глагольной основы, свои исходные тоны: *ládègè* ‘подражать’, *màbèp* ‘упорядочивать’, *kópogǎp* ‘приводить в замешательство’. При номинализации таких основ тональная независимость компонентов устраняется: *lådege* ‘подражание’, *màbèp* ‘система’, *kópogap* ‘сильное замешательство’. Таким образом, сложные и приставочные глаголы, корни которых несут восходящий тон, представляют собой диагностическую группу, на которой реализуется морфологическое противопоставление существительного и глагола в языке бамана.

3.3.4.4. Совокупность аргументов, изложенных выше, позволяет мне сделать вывод о том, что неморфологическая номинализация в бамана следует считать конверсией, и, таким образом, **глагол и производное от него существительное будут рассматриваться как различные лексемы.**

Парадоксальным образом, именно форма на *-li/-ni* может быть включена в бамана¹³ (но не в манинка!) в состав ЧР “динамический глагол” (“инфинитив на *-li*” ?) – наряду с “инфинитивом на *kà*”, чья принадлежность к ЧР “Динамический глагол”, по видимому, не должна встретить больших возражений. Если это предложение будет принято, то такие существительные, как *fóli*

¹³ В том случае, если дальнейшие исследования подтвердят её регулярность, в том числе и семантическую.

‘музыка’ (от *fɔ* ‘говорить; играть на’), *jɪralí* ‘выставка’ (от *jɪrá* ‘показывать’), *dúmuni* ‘пища’ (от *dúmu* ‘есть’) должны рассматриваться как образованные по конверсии от соответствующих инфинитивов: *fɔli* ‘процесс игры (на музыкальном инструменте)’, *jɪralí* ‘показывание’, *dúmuni* ‘еда (как процесс)’.

3.4. Прилагательное.

Выделение этой ЧР основывается на синтаксическом критерии: прилагательное занимает позицию второго члена определительной синтагмы. Его аппозитивное употребление менее типично, но вполне возможно, особенно характерно оно для некоторых морфологически производных прилагательных¹⁴, например:

<i>à</i>	<i>yé</i>	<i>kúma`</i>	<i>tǎ</i>	<i>kà</i>	<i>fɪyentɔw</i>
она	ПРФ	речь-АРТ	брат	ИНФ	слепые
<i>ká</i>	<i>tɔn`</i>	<i>kúnunna</i>	<i>n'</i>	<i>á`</i>	
ПОСС	союз-АРТ	вчерашний	и	он	
<i>bilama</i>	<i>sánga</i>	<i>ɲɔgɔn</i>	<i>mà</i>	[Kibaru 205, p. 8]	
сегодняшний	сравнить	друг-друга	с		

‘Она взяла слово и сравнила ассоциацию слепых такую, какой она была вчера, с той, что она представляет из себя сегодня’.

Особенностью этой ЧР является абсолютное численное превосходство в ней производных лексем, образованных от других ЧР путём конверсии (см. 3.3.1., 3.3.2.) или морфологически¹⁵. Можно даже сказать, что производные лексемы (особенно образованные от качественных глаголов) образуют ядро этого класса слов.

Поскольку образование прилагательных по конверсии уже было рассмотрено выше (3.3.1., 3.3.2.), коснёмся здесь лишь морфологической деривации. Ниже приводится список суффиксов и значения прилагательных, с помощью этих суффиксов образованных:

-ma, “орнативное” значение: “имеющий данный объект/качество/вещество”, при этом объект должен являться составной частью определяемого или находиться в непосредственном физическом контакте с ним, так чтобы объект мог служить отлич-

¹⁴ Аппозитивное употребление прилагательных значительно более частотно в манинка-мори.

¹⁵ Это, очевидно, и стало причиной того, что лингвисты обратили внимание на этот класс слов лишь недавно.

чительным признаком определяющего: *bólo m̀ntoro-má* ‘рука с часами’,¹⁶

-*ntan*, привативное значение;

-*lama*, значение “под видом...”, “в качестве ...”, “будучи (кем-л.)”, “сделанный из”;

-*man*, образует прилагательные от большинства качественных глаголов [Creissels 1985; Vydrine 1990], от существительных-названий веществ (*b̀d̀g̀e wólo-man* ‘кожаный мешок’, *só jígi-man* ‘деревянный дом’, в том числе прилагательные-цветонаименования – *ẁd̀goji-mán* ‘оранжевый’), а также от некоторых других существительных и непроизводных прилагательных: *sè-mán* ‘мужского пола’, *m̀sò-mán* ‘женского пола’, *kúga-man* ‘новый’ (отметим, что в бамана исходная основа, *kúga* ‘новый’ – прилагательное, но в близкородственном языке хасонка соответствующее слово, *kúta*, функционирует и как глагол качества, ‘быть новым’ [Creissels 1985]);

-*nan*, суффикс порядковых числительных.

К прилагательным следует причислить и сложносоставные лексемы, обозначенные Дюестром [1987, 237-247] как “конструкции типа *dálagelen*”.

Адъективизация путём конверсии возможна и для дериват на -*la* (имя деятеля), -*nci* (имя “чрезмерного деятеля”), -*to* (имя субъекта состояния, чаще всего состояния, отрицательно оцениваемого), а окказионально и для других.

¹⁶ Жерар Дюестр писал относительно этого суффикса: “деривация на -*ma* намного менее систематична, чем на -*ntan*”, так что *kú-ma* ‘хвостатый’ сказать можно, а **bólo-ma* ‘рукастый’ – нельзя.

На самом же деле ограничение на деривацию прилагательных с суффиксом -*ma* вполне систематично: -*ma* не присоединяется к названиям обязательных компонентов, наличие которых не вызывает вопросов. Если же обладание данным объектом нетривиально, деривация становится возможной; ср. невозможность **m̀sò jé-ma* ‘женщина с глазами’ при возможности *jíri jé-ma* ‘дерево с глазами’ (например, в сказке). То же относится и к ситуациям, когда данный объект представлен в каком-то необычном виде, например:

<i>í</i>	<i>b'</i>	<i>í</i>	<i>ỳèlemá</i>	<i>kà</i>	<i>ké</i>
ты	ИМП	РЕФЛ	превращаться	ИНФ	становиться
<i>b̀ìlakoꝛo</i>	<i>jémannin</i>	<i>b̀àrakun-má</i>	<i>yé</i>		
мальчик	беленький	пупастый	как		

‘Ты превратишься в беленького мальчика с большим пупком’.

3.5. Проблема Причастия.

Взгляды различных авторов на причастие сильно разнятся. Это касается разных вопросов: типы причастий (-tɔ, -len у Бергельсон, -tɔ, -len, -ta у Дюместра; Кресельс добавляет к этому списку -man), их трактовка (Бергельсон: “производная знаменательная ЧР”; Дюместр: “именные конститунты”)...

3.5.1. Особенности причастий и их типы.

Под причастием обычно понимается категория слов, образованных от глаголов, по своему функционированию сближающихся с прилагательными. Если проанализировать деривативные морфемы, которые присоединяются к глагольным основам и изменяют их категориальную принадлежность (-baga, -baganci, -bagatɔ, -lan, -li, -bali, -la, -len, -ta, -tɔ [Dumestre 1987, 201]), то лишь 4 из них образуют формы, схожие с прилагательными по своим функциям: -bali, -len, -ta, -tɔ. Я не вижу никаких оснований отказывать производным формам с этими суффиксами в статусе причастия – кроме, конечно же, тех нерегулярных случаев, когда они употребляются субстантивно¹⁷.

Есть и ещё одно обстоятельство, которое объединяет все четыре причастия и отличает их от всех остальных отглагольных форм: тональная автономия глагольных корней и префиксов (ср. 3.3.4.3.). Например: dábílalén ‘прерванный’, lájèbáli ‘не собранный’, lágòsitá ‘достойный презрения’, màkòtɔ ‘омываемый’ – и, с другой стороны, dábílali ‘прекращение’, màkolí ‘омывание’, и т.д.

3.5.2. Статус причастий.

Теоретически возможны три решения: 1) причастия входят в ЧР “Глагол”; 2) причастия представляют собой особую ЧР (М. Бергельсон); 3) причастия входят в ЧР “Прилагательное”.

3.5.2.1. Причастия могут выступать в следующих синтаксических функциях: 1) адъективной (атрибутивной); 2) аппозитивной; 3) предикативной в зависимой предикации; 4) субстантивной (нерегулярно, с сильной лексикализацией; речь идёт о конверсии, которая выводит соответствующую основу за рамки исходной причастной лексемы). Воспроизведём таблицу функций, допустимых для каждого из причастий, данную в работе [Dumestre 1987, 226], добавив в неё причастие -bali (которое Дюместр причастием не считает) и изменив расположение функций и типов.

Таблица 3

¹⁷ В этом последнем случае речь идёт о субстантивизации причастий, то есть о конверсии.

Функции :	<i>-tɔ</i>	<i>-len</i>	<i>-bali</i>	<i>-ta</i>
субстантивная		(+)	+	+
аdjективная		+	+	+
аппозитивная	+	+	?	(+)
предикативная	+	+	(+)	

Примечание: 1) (+) означает, что данная функция редка.
2) Предикативная функция причастия на *-bali* (не упоминаемая Дюместром), хоть и редка, всё же возможна, например:

bàná` *màdá-bali`*, *dén`* *té*
 болезнь-АРТ утихать-ПРЧ ребёнок-АРТ не=ИМП

sé *kà* *dúmuni`* *ké*
 мочь ИНФ еда-АРТ делать

‘Пока болезнь не утихнет, ребёнок не сможет есть’.

dén` *dádè-báli`*, *án* *té* *sé* *kà*
 ребёнок-АРТ молчать-ПРЧ мы не=ИМП мочь ИНФ

táa *yóro* *sí* *lá*
 идти место никакое в

‘Пока ребёнок не замолчит, мы не сможем никуда уйти’.

3.5.2.2. При движении в таблице слева направо наблюдается уменьшение глагольных и нарастание субстантивных свойств.

Один из критериев, по которому различаются семантические (глубинные) ЧР Глагол и Имя (серединную позицию между которыми в этом отношении занимает Прилагательное) – это оппозиция по признаку “изменяемое : неизменяемое” во времени, или же “локализуемое во времени : вневременное” (см. обзор существующих теорий по этому поводу в [Тестелец 1990, 85-87]). Если взглянуть на причастия в бамана под этим углом зрения, то обнаруживается очень чёткая корреляция: чем более “атемпоральна” семантика причастного суффикса, тем менее вероятно употребление соответствующих причастных форм в глагольной и аппозитивной функциях, и наоборот.

Прототипическое значение “инкомплетивного” причастия на *-tɔ* – мгновенное состояние, одновременное с точкой отсчёта. Такая “абсолютная” временная локализация оказывается несовместимой с адъективной и субстантивной функциями.¹⁸

¹⁸ На самом деле детиваты на *-tɔ* могут выражать идею более или менее устойчивого состояния, но в этом случае речь идёт о формах, произ-

“Комплетивное” причастие на *-len* выражает идею состояния, являющегося результатом действия, обозначаемого глаголом (т.е. имеет результирующее значение), но может обозначать и состояние безотносительно к предшествующему действию (стативное значение). Значительно менее строгая, по сравнению с причастием на *-to*, временная локализация подобных состояний объясняет и функциональную поливалентность причастия на *-len*.

“Отрицательное” причастие на *-bali* передаёт такие значения, как “неспособный совершить действие, обозначаемое глаголом”, “такой, для которого обозначенное состояние невозможно”, “неспособный быть объектом действия, обозначаемого глаголом”, “над которым данное действие не было совершено”. Таким образом, речь идёт скорее об “отрицании состояния”, отсюда и затруднительность его временной локализации, и редкость предикативного употребления этого причастия. Не случайно в обоих примерах, приведённых в примечании к Таблице 3, оба причастия образованы от глаголов, обозначающих прекращение какого-то действия – таким образом, “отрицательное” причастие указывает на то, что действие продолжается. В обоих случаях предикативное употребление причастия на *-bali* оказывается семантически мотивированным.

Наконец, дебитативное¹⁹ причастие на *-ta* выражает идею качества (а не состояния), из которого проистекает потенциальная способность быть объектом или субъектом действия, обозначаемого глаголом: *fɛn mɪntá* ‘напиток’ (букв.: “вещь для питья”), *fɛn tɔ́rɔ́ta* ‘яйцо с зародышем’ (букв.: “которое можно высидеть”), *gèlɛyá nàtáw* ‘грядущие трудности’ (букв.: “трудности, которым предстоит прийти”). Такую семантику, очевидно, трудно было бы совместить с временной локализацией, и потому использование данного причастия в предикативной функции невозможно.²⁰

водных от существительных: *kùnkólo* ‘голова’ → *kùnkolotɔ́* ‘сумасшедший’, *dòlɔ́* ‘пиво; любой спиртной напиток’ → *dòlotɔ́* ‘пьяный’. Даже когда речь идёт о таких формах, как *sàcintɔ́* ‘укушенный змеёй’ (*sá* ‘змея’, *cín* ‘кусать’), более корректно, по-видимому, считать исходной основой существительное *sàcín* ‘змеиный укус’, чем глагол *cín* ‘кусать’.

¹⁹ Я благодарю Я.Г. Тестельца, который предложил мне использовать этот термин.

²⁰ “Редкость” этого причастия, о чём говорит, в частности, Дюместр [1987, 228-229], характерна скорее для речи, чем для словаря. Теоретически оно может быть образовано от большинства глаголов, хотя многие

Причастия в бамана заслуживают отдельного монографического исследования²¹, без которого любые выводы будут предварительными. И всё же существование чёткой корреляции между семантикой и синтаксическими функциями причастий в бамана мне кажется достаточно очевидным. Иначе говоря, я полагаю, что образование причастий от динамических глаголов может считаться регулярным, а ограничения на такую деривацию предсказуемы и объясняются семантическими причинами.

3.5.2.3. Подведём итог. С точки зрения своих синтаксических функций, причастия обладают и глагольными, и адъективными свойствами, так что выделение их в особую часть речи кажется мне излишним. С морфологической точки зрения (тональная автономия префиксов), они сближаются скорее с динамическими глаголами. С точки зрения семантики, их связь с динамическими глаголами очень сильная и регулярная.

Регулярность (морфологическая и семантическая) деривации причастий в бамана позволяет рассматривать их как подразделение ЧР “Динамический глагол”.

3.6. **Постпозитивные наречия (ППН).** В дополнение к сказанному в разделе 3.2.1. следует добавить ещё одно соображение.

Анализируя слова *bí* ‘сегодня’, *kúnù* ‘вчера’, *sísàn* ‘сейчас’, *yǎn* ‘здесь; это место’, *yěp* ‘там; то место’, Жерар Дюместр рассматривает их как существительные. В качестве критерия он упоминает их способность к топикализации²². Такое решение совер-

из таких образований будут звучать странно и неестественно в повседневной языковой реальности, например: *mùso kúmata* ‘женщина, которой надлежит говорить’ (например, в соответствии со сценарием).

²¹ Наиболее интересные проблемы, которые могли бы быть рассмотрены в таком исследовании, такие: валентностная ориентация причастий, в связи с семантикой исходного глагола; степень регулярности образования причастий; составные основы, от которых могут быть образованы причастия; ограничения семантического и лексического характера на причастную деривацию...

²² И, добавим, способность к функционированию в качестве именного члена в позиции Субъекта, Прямого Объекта, Непрямого Объекта с послелогом, первого компонента дополнительной синтагмы, например:

<i>í</i>	<i>kàná</i>	<i>jìna</i>	<i>kúnun`</i>	<i>kɔ́</i>
ты	не-ИМП	забывать	вчера-АРТ	за
‘Не забывай о вчерашнем’.				
<i>yǎn`</i>	<i>ká</i>	<i>dí</i>	<i>yěp`</i>	<i>yé</i>

шенно корректно и логично. Следует отметить только, что в рамках подхода, принятого в данной статье, возможна и другая интерпретация: можно считать эти основы в именных функциях конверсивами от наречий, их грамматическими омонимами. Такая интерпретация подтверждается и изменением тона тех основ, у которых он, в их наречной функции, относится к нерегулярному типу²³: ППН *kínù* → сущ. *kínu* ‘вчера’, ППН *sísàn* → сущ. *sísan* ‘сейчас’.

Если принять такую трактовку, к ППН следует отнести и слово *só* ‘дом’ в таких контекстах, как *à táara só* ‘Он пошёл к себе (домой)’: здесь происходит конверсия существительного (“дом”) в ППН (“к, домой”). В то же время эта конверсия неполная, что оставляет возможность употребления основы в посессивной конструкции:

án táa-ra à ká só
мы идти-ПРФ он ПОСС домой

‘Мы пошли к нему домой’.

3.7. **Предикативные показатели**, или показатели конструкций (уэ, *má*, *ká*, *mán*, *té*, *mána*, и т.д.). Принимая определение этой ЧР, предлагаемое Мирой Бергельсон (“служебные слова, которые задают конструкцию и занимают синтаксическую позицию”), я расхожусь с ней в трактовке бытийных глаголов: я считаю их (вслед за Кресельсом [1983]) особой морфологической ЧР, подклассом синтаксической ЧР Глагол.

3.7.1. В контексте отношений между классами предикативных показателей и бытийных глаголов, особенно интересна лексема *bé*. В стандартном бамана, *bé* как бытийный глагол и *bé* как показатель имперфектива являются омонимами (что порождает сильный соблазн считать оба случая разными функциями одной лексемы, которая становится, таким образом, “мостом” между бы-

здесь-АРТ КАЧ хорошо там-АРТ чем

‘Здесь лучше, чем там’.

sísan tɔgɔw

сейчас люди, ‘нынешние люди, и т.п.’

²³ Регулярными являются в бамана лишь два тональных типа, высокий и восходящий, причём такой тон распространяется на всё слово, вне зависимости от его длины, или даже на всю синтагму (такую синтагму называют “компактной”). Иначе говоря, тон в бамана – не слоговой, а словесный.

тийными глаголами и показателями конструкций). Но в диалектах бамана обнаруживается формальное различие между двумя лексемами: *bé* ‘быть’ и *bí* ‘показатель имперфектива’ (ср. в близкородственном языке кагоро: *mí* ‘быть’ и *be* ‘показатель имперфектива’). По-видимому,²⁴ *bé*-предикативный показатель восходит к *bé*-бытийному глаголу²⁴, но в синхронии они должны рассматриваться как омонимы.

3.7.2. Показатель ретроспективного сдвига *tɔp*, как уже отмечалось в работах различных авторов, не может быть включён в ЧР показателей конструкции, поскольку он не задаёт конструкцию и не занимает синтаксической позиции. По своим частеречным характеристикам он приближается к частицам.

3.8. Следующие ЧР целесообразно принять в интерпретации предшественников: **Частицы** [Dumestre 1987, 445-479 ; Masiuk 1994, 3-43; Бергельсон 1990, 203]; **Союзы** [Dumestre 1987, 337-347; Бергельсон 1990, 203] (определение Бергельсон: “слова, которые задают конструкцию, но не занимают синтаксической позиции”. Отметим, что Бергельсон включает в число союзов и посесивный показатель *ká*, что представляется оправданным); **Послелоги**.

3.9. **Междометия** (“вводные слова” В. Алпатова [1990, 37-38]) – это слова, которые образуют “нечленимые высказывания”. Они подразделяются на “модальные слова”, такие как *àwó*, *ɛnhɔ́n* ‘да’, *àúí* ‘нет’, *áúíwá* ‘ладно’, *ɲbá* (ответ мужчины на приветствие), *ɲsé* (ответ женщины на приветствие), и т.д., и “собственно междометия”: *ràatí*, *ràatisákana* ‘чёрт возьми!’, *háte* ‘точно!’, *sùbáhanalayi* ‘Боже мой!’, *jáati* ‘точно!’, и многие другие.

3.10. Проанализируем очень кратко положение других семантических классов (не рассматривавшихся ранее, насколько мне известно, с этой точки зрения) в системе ЧР.

3.10.1. **Личные местоимения** принадлежат, в синтаксическом отношении, ЧР “Существительное”; их неспособность выступать в функции первого члена определительной синтагмы, как представляется, недостаточно сильный аргумент для исключения

²⁴ Механизм этого процесса детально обсуждался в работах “школы грамматикализации” Бернда Хайне (см., в частности, работы [Claudi 1994]; дискуссию на эту тему см. в работе [Bearth 1995]). Следует отметить, что значительно ранее эту же тему плодотворно разрабатывала С.И. Томчина, чьи работы, к сожалению, не были доведены до публикации.

их из этого класса. Но они могут быть отделены от существительных по морфологическому критерию: личные местоимения обладают особой морфологически маркированной категорией “фокализированный : нефокализированный”, которая у существительных выражается аналитически. Таким образом, личные местоимения в бамана могут рассматриваться, в предварительном порядке, как особая морфологическая ЧР, составляющая единую синтаксическую ЧР с существительными.

3.10.2. **Рефлексивные и взаимные местоимения** отличаются от личных местоимений а) на синтаксическом уровне, ограниченным числом синтаксических позиций, которые они могут занимать (см., в частности, [Выдрин 1999б]). В то же время это ограничение может рассматриваться как ограничение, обусловленное семантическими особенностями; б) на морфологическом уровне, они не противопоставляются по признаку фокализации. По этим признакам, такие местоимения должны быть включены в ЧР Существительное.

3.10.3. **Количественные числительные** в синтаксическом отношении могут быть причислены к Прилагательным. Их морфологической особенностью является особое тоновое оформление. Синтагма “существительное + числительное” относится к числу “связанных” (каждый член сохраняет свои исходные тоны, существительное не получает тонового артикля), тогда как синтагма “существительное + производное прилагательное” – “компактная” (тон существительного распространяется на всю синтагму). По этой причине количественные числительные могут рассматриваться как отдельная морфологическая ЧР.²⁵

3.10.4. **Детерминативы** в бамана (bée ‘все; весь’, sí ‘никакой’, cámap ‘многочисленные’, dó ‘некий, некоторый’, yége ‘сам’), по синтаксическому критерию, принадлежат ЧР “Прилагательное”; этому не противоречит их способность к субстантивации. С морфологической точки зрения, их можно подразделить на а) те, ко-

²⁵ Я не рассматриваю здесь возможности, достаточно редко реализуемой, оформления синтагмы с количественным числительным показателем множественного числа -w /-i/ (некоторые информанты допускают присоединение этого показателя и к существительному, за которым следует числительное, что может интерпретироваться как “определённая форма”). Не вполне ясно, следует ли считать это свойственным для стандартного бамана; во всяком случае, это явление заслуживает более глубокого изучения.

торые требуют присоединения тонового артикля к предшествующей именной группе, и б) те, которые этого не требуют (что соответствует аппозитивному и атрибутивному употреблению прилагательных). В то же время, по меньшей мере два из пяти детерминативов (béé, sí) могут выступать в обоих контекстах, что делает такое деление излишним.

В принципе, показатель множественного числа -w, который функционирует в бамана во многих отношениях как самостоятельное слово, может быть также отнесён к числу прилагательных.

3.10.5. **Неличные местоимения** образуют особую семантическую группу, но по своему синтаксическому поведению они не составляют гомогенного класса и принадлежат разным ЧР: fòsí ‘никто’, jón ‘кто?’, tín ‘что?’, nín ‘этот’, ó ‘тот’ являются существительными (от которых могут образовываться по конверсии прилагательные); wéé ‘другой’, jùtén ‘который?’, jòlínán ‘который (по счёту)?’ могут рассматриваться как прилагательные (легко поддающиеся субстантивации); jòlí ‘сколько?’ – количественное числительное; tín ‘где?’ – наречие.

Статус относительного местоимения tín менее ясен: если считать предшествующий ему плавающий низкий тон артиклем, оформляющим релятивизируемую именную группу, то последовательность “именная группа + tín” не может рассматриваться как определительная синтагма. С другой стороны, тот факт, что показатель множественного числа -w присоединяется к tín, а не к предшествующей именной группе, свидетельствует в пользу того, что это всё же – определительная синтагма. Это противоречие разрешается, если считать плавающий низкий тон префиксом относительного местоимения (tín). В таком случае не остаётся никаких препятствий для его включения в ЧР Прилагательное.

4. Система частей речи бамана может быть представлена в виде таблицы (см. Таблицу 4).

Эта система оказывается двухуровневой в отношении знаменательных частей речи, более “традиционной”, чем можно было бы ожидать, в некоторых из своих сегментов, более “экзотической” в других.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРТ – тоновый артикль

ИНФ – показатель инфинитива

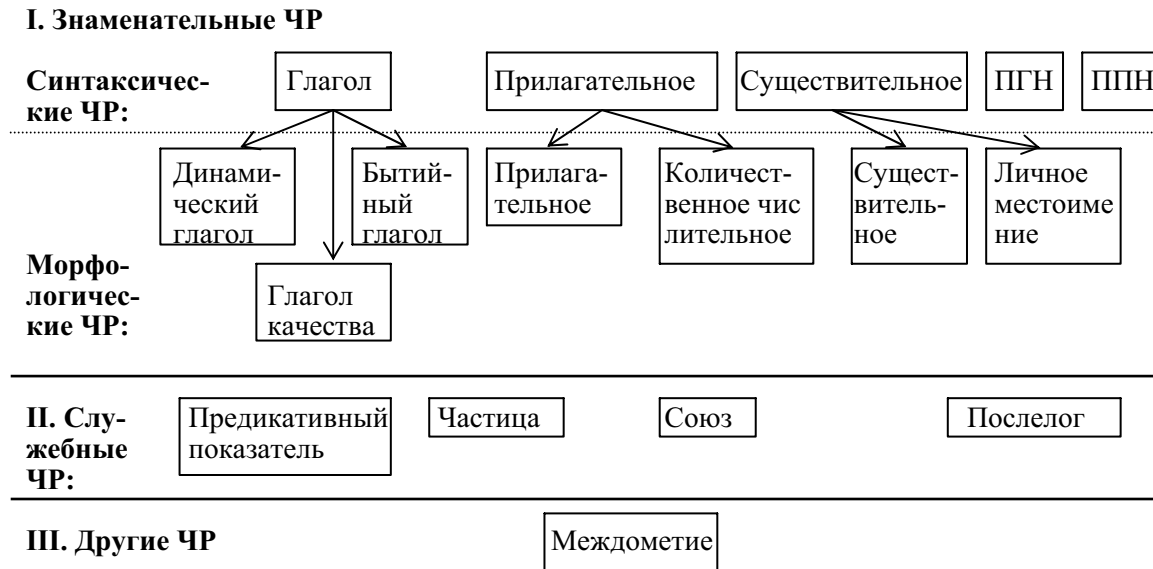
ПОСС – показатель possessивной связи

зи

ИМП – показатель имперфектива
не-ИМП – отрицательный показатель
имперфектива

ПРФ – показатель перфектива
ПРЧ – суффикс причастия
РЕФЛ – рефлексивное местоимение

Таблица 4



Литература

- В.М. Алпатов. Принципы типологического описания частей речи. – В кн.: *Части речи*. Под ред. В.М. Алпатова. Москва: Наука, 1990, 25-51.
- М.Б. Бергельсон. Проблема частей речи в языках изолирующего типа (на материале бамана). – В кн.: *Части речи*. Под ред. В.М. Алпатова. Москва: Наука, 1990, 195-217.
- В.И. Беликов. Части речи в полинезийских языках. – В кн.: *Части речи*. Под ред. В.М. Алпатова. Москва: Наука, 1990, 180-194.
- В.Ф. Выдрин. *Язык лоома*. Москва: “Наука”, 1987, 121 с.
- В.Ф. Выдрин. Рефлексив в бамана. // В кн.: *Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика*. Под ред. Е. В. Рахилиной и Я. Г. Тестельца. М.: Языки русской культуры, 1999, с. 290-301.
- Я.Г. Тестелец. Наблюдения над семантикой оппозиций “имя/глагол” и “существительное/прилагательное” (к постановке проблемы). – В кн.: *Части речи*. Под ред. В.М. Алпатова. Москва: Наука, 1990, с. 77-95.
- С.И. Томчина. *Введение в синтагматическую морфологию языка манинка*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1978, 117 с.
- Th. Bearth. Nominal periphrases and the origin of the predicative marker in Mande languages – an alternative view. // *Afrikanistische Arbeitspapiere*, 41, 1995, pp. 89-117.
- Claudi, Ulrike. Word order change as category change; the Mande case. – In : *Perspectives on grammaticalization*, ed. by William Pagliuca. (Current Issues in Linguistic Theory, 109). Amsterdam and Philadelphia, 1994, pp. 191-231.
- D. Creissels. Reflexions sur le système prédicatif du bambara. // *Mandenkan*, 6, 1983, pp. 21-36.
- D. Creissels. Les verbes statifs dans les parlers manding. // *Mandenkan*, 10, 1985, pp 1-32.
- G. Dumestre. *Le bambara du Mali : Essai de description linguistique*. Paris : INALCO. Thèse de Doctorat d'Etat, 1987, 586 p.
- M. Houis. Les schèmes d'énoncés en bambara. // *Mandenkan*, 1, 1981, pp. 17-24.

- B. Keïta. *Éléments de description du Malinké de Kita (Mali)*. Doctorat du 3^e cycle. Université des langues et lettres de Grenoble, 1985, 345 p.
- Dramane Koné. La problématique des dénominaux de transfert en jula. // *Mandenkan*, 14-15, 1987/88, pp. 217-232.
- N. Masiuk. L'emploi des particules, des formes pronominales fortes, et de l'extraposition en bambara – parler de Bamako. // *Mandenkan*, 27, 1994, 110 p.
- Karim Traore. *Dafing. Beiträge zu Phonologie und Wortbildung einer Mande-Sprache*. Dissertation. Saarbrücken : Philosophischen Fakultät der Universität des Saarlandes, 1983, 194 S.
- V.F. Vydrine. Les adjectifs prédicatifs en Bambara. // *Mandenkan*, 20, 1990, pp. 47-90.